

Н.В. Френкель

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ Л. ТОЛСТОГО И РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ ЕГО ВРЕМЕНИ. ВОЗЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ НА ИХ ТВОРЧЕСТВО

Мнения Толстого о музыке всегда были пристрастными. Его суждения о композиторах, их произведениях могут показаться в чем-то односторонними и даже парадоксальными, но о них никогда не скажешь, что они равнодушны.

Толстой говорил о том, что его занимало и тревожило всю жизнь. «От гениально-го художника, - пишет Ромен Роллан, - никто не вправе требовать, чтобы он был беспристрастным критиком. Когда Вагнер или Толстой рассуждают о Бетховене или Шекспире, это они не о них говорят, а о самих себе, о том, что они считают для себя идеалом» (1).

Отношения Л.Н.Толстого к русским и зарубежным композиторам обусловлено тем же своеобразным, толстовским, восприятием и пониманием музыки.

нения Толстого о музыке всегда были пристрастными. Его суждения о композиторах, их произведениях могут показаться в чем-то односторонними и даже парадоксальными, но о них никогда не скажешь, что они равнодушны.

Толстой говорил о том, что его занимало и тревожило всю жизнь. «От гениального художника, - пишет Ромен Роллан, - никто не вправе требовать, чтобы он был беспристрастным критиком. Когда Вагнер или Толстой рассуждают о Бетховене или Шекспире, это они не о них говорят, а о самих себе, о том, что они считают для себя идеалом» (1).

Отношения Л.Н.Толстого к русским и зарубежным композиторам обусловлено тем же своеобразным, толстовским, восприятием и пониманием музыки.

Обращаясь к документальным источникам - дневникам Толстого, его переписке, воспоминаниям современников, близко знавших писателя, материалам по истории музыкальной культуры, биографии ряда композиторов, - можно заметить, что Л.Н.Толстой в своих суждениях о музыке опирался в основном на творчество зарубежных композиторов, таких как Бетховен, Моцарт, Вагнер, Шопен и другие. Их имена упоминаются и в его художественных произведениях.

В то же время о творчестве русских композиторов сказано очень и очень мало. И это несмотря на то, что Толстой был современником П.И.Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, М.П.Мусоргского, А.П.Бородина, С.В.Рахманинова. Столь поразительные факты заставляют нас прийти к парадоксальному, на первый взгляд, выводу:

Лев Толстой - величайший писатель земли русской, талантливейший реалист и психолог, «не знал» и, может быть, поэтому «не любил» русской музыки. Во всяком случае, по сравнению с музыкой зарубежных классиков. Ни один русский композитор не был ни разу назван им в числе любимых композиторов (между тем как о своих музыкальных пристрастиях Толстой говорил многократно). Ни единым словом писатель не обмолвился о таких шедеврах, написанных в его время, как оперы М.Мусоргского «Борис Годунов» (1869), «Хованщина» (1886). Без внимания были оставлены им симфонии «Пятая» (1888) и «Шестая» (1893) П.И.Чайковского, его оперы «Евгений Онегин» (1878), «Пиковая дама» (1890); проигнорировал Толстой и оперы «Царская невеста» (1899), «Садко» (1897), «Золотой петушок» (1906) Н.А.Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А.П.Бородина (1892), Первый фортепианный концерт (1891) и оперу «Алеко» (1893) С.В.Рахманинова... Не хотелось бы думать, что такая музыка была бы не принята и не оценена по достоинству Львом Толстым. Остается лишь предполагать, что он именно не знал многих произведений, созданных его гениальными современниками. Может быть, поистине, «большое видится на расстоянии».

Известно, что Толстой крайне редко бывал в русской опере: современники вспоминают всего лишь несколько оперных представлений, на которых они видели писателя. В их воспоминаниях указывается, что Лев Николаевич был на премьере оперного спектакля «Русалка» и сидел в ложе вместе с Даргомыжским, но о своем впечатлении он никому ничего не сказал, в том числе и композитору (2). На симфонических концертах Лев Николаевич также почти не бывал и, таким образом, самые значительные оперные и симфонические произведения русских композиторов прошли мимо него. В числе камерных произведений Лев Николаевич несколько раз слышал разные по жанру пьесы для фортепиано, а также дуэты и трио для фортепиано со струнными инструментами. Вообще, из русской музыки он неплохо знал лишь фортепианные пьесы и романсы.

Оказался Толстой совершенно глух к русской реалистической музыкальной школе, ставшей уже к 70-м годам XIX века ведущей в русском музыкальном искусстве. Он «не любил» Мусоргского, был безразличен к Даргомыжскому, затевал «громадные

споры» о путях искусства с Римским-Корсаковым, не пошел слушать оперу Чайковского «Евгений Онегин», удивлялся, если ему вдруг что-то нравилось у Аренского и Скрябина.

В 1858 году он слушал оперу Глинки «Жизнь за царя» (1836) и его восхитил хор. «Хор прекрасен» - записал он в дневнике. Но впоследствии даже о Глинке отзывался критически, считая его «порочным, чувственным человеком». «Конечно, - спешил он прибавить, - я признаю его достоинства. В музыке его столько мелодии, поэзии» (3). Но это была скорее уступка общему мнению. Признавал Толстой в творчестве Глинки лишь романсы, которые неоднократно просил спеть Т.А.Кузьминскую, исполнявшую их, по воспоминаниям современников, превосходно.

Толстому было совершенно чуждо искусство и эстетические взгляды одного из влиятельных в то время музыкальных направлений - «Могучая кучка». Впрочем, и произведения «кучкистов» Толстой мало знал. Смешно сказать, что не «Снегурочка» или «Садко» Н.Римского-Корсакова, не «Хованщина» М.Мусоргского, «Князь Игорь» или «Богатырская симфония» А. Бородина произвели сильное впечатление на Л.Н.Толстого, а всего лишь романс М.Балакирева «Слышу ли голос твой...» тронул его и заставил прослезиться. Кстати, по свидетельству Н.А.Римского-Корсакова, Толстой даже и не знал имени композитора, сочинившего этот романс (4).

Не принимал Толстой и идею программности музыкального творчества, на основе которой создавалась практически вся талантливейшая русская музыка 2-ой половины XIX века, пополнившая собой сокровищницу не только русского, но и мирового музыкального искусства. Толстой упрекал композиторов, опиравшихся при создании своих произведений на программу, в нарочитости, неискренности их творчества. Он даже советовал Чайковскому отказаться от оперного творчества. Конечно же, нельзя говорить о негативном отношении Толстого к русскому музыкальному искусству. Это было бы несправедливо по отношению к писателю. Ведь несмотря на то что Лев Николаевич, по словам его старшего сына, «не увлекался русской музыкой», «произведения некоторых композиторов он очень ценил» (5) и при случае просил исполнить ту или иную пьесу Рахманинова, Аренского, Рубинштейна или романсы Глинки, Чайковского. К тому же с некоторыми композиторами Лев Николаевич установил тесные дружеские и творческие отношения, часто встречался с ними, спорил о музыке.

Зимой 1876 года в Москве у Николая Рубинштейна Толстой познакомился с Петром Ильичом Чайковским. Лев Николаевич хотел слышать музыку Чайковского, и Рубинштейн устроил для него музыкальный вечер в Московской консерватории. Исполнялись камерные и вокальные произведения, то есть произведения именно тех жанров, которые были особенно понятны и дороги Толстому. Концерт произвел на него сильное впечатление. Больше всего ему понравилось Анданте из Первого квартета Петра Ильича. «Может быть, никогда в жизни я не был так польщен и тронут в моем авторском самолюбии, - вспоминал Чайковский об этом вечере, - как когда Лев Толстой, слушая Анданте моего квартета и, сидя рядом со мной, залился слезами» (6). Музыканты в тот вечер играли отлично. «Видно было, что играя так удивительно хоро-